

Бросив эту фразу, он стремительно развернулся и вихрем умчался в кабинет, оставив Чаньяня в одиночестве смущённо созерцать его удаляющуюся спину, причём на большей части лица юноши невольно выступил румянец.

А Цзи Саньмэй помчался с такой скоростью в основном оттого, что боялся не сдержать дрожь от сердечной боли.

Он и вправду любил деньги, но предпочёл бы выманить три финика у старого пронырливого скряги, чем заработать тысячу лян у неискушённого древесного духа...

...Хотя нет, всё равно больно.

Выбросив банкноту, что сама плыла в руки, Цзи Саньмэй почувствовал такую резь в сердце, что даже тяга к курению ослабла на треть. Уныло сжимая курительную трубку, он вошёл в кабинет: «Наставник, вы звали?»

За несколько дней Цзи Саньмэй уже твёрдо определился с обращением к Шэнь Фаши. По сравнению с нейтральным «дядя Шэнь», слово «наставник» доставляло ему больше запретного удовольствия.

Шэнь Фаши тоже не терял времени даром. Он принял от торговца живым товаром босса Лу три тысячи лян чистым серебром и заказал семидневный комплексный поминальный обряд.

Очевидно, слухи о «нечисти» среди товара нанесли сокрушительный удар по делу босса Лу. Детей, которые «могли быть заражены призрачной скверной», уже никак не продашь, и боссу Лу пришлось скрепя сердце отдать этих «товаров высшего сорта» на попечение Шэнь Фаши. Тот, не мешкая, выправил в управлении отмену рабского статуса Цзи Саньмэя, и все прочие малолетние рабы тоже смогли вернуться к своим семьям. Тем же, кому идти было некуда, вроде мальчика со слезинкой-родинкой, скитавшегося с младых ногтей, Шэнь Фаши нашёл в Юньяне занятия — подмастерьями и прочие честные труды.

— Лишь уладив все дела, Шэнь Фаши смог наконец обрести душевный покой и как следует поговорить с Цзи Саньмэем.

Цзи Саньмэй тоже предчувствовал эту беседу, поэтому, войдя, привычно уселся на табурет, закинул ногу на ногу — ноги у него были куда более стройными, чем у сверстников, — и развалился с естественной и ленивой грацией.

Шэнь Фаши начал первым: «Твой отец на днях приедет, чтобы забрать тебя домой. Поедешь с ним?»

Цзи Саньмэй, хихикая, взглянул на Шэнь Фаши. Этот одетый с иголки нежный отрок вечно производил впечатление дитяти младше своих лет: «А наставник хочет, чтобы я остался?»

Шэнь Фаши, не дрогнув и бровью, вернул вопрос: «Смотря по тебе. А ты как думаешь?»

Цзи Саньмэй не колебался: «Естественно, с наставником».

Шэнь Фаши: «Почему?»

«Наставник столь прекрасен, что я с первого взгляда потерял голову». Цзи Саньмэй взял в рот мундштук и по привычке лизнул его кончик.

Детский язык был тонким, мягким, нежным и веял сладковатым ароматом невинности. Шэнь Фаши под столом невольно сжал бёдра —

То духовное сознание внутри него вышло из-под контроля и принялось нежно скользить у него меж ног.

Будь это Шэнь Фаши девятилетней давности, он наверняка счёл бы такие слова Цзи Саньмэя наглой провокацией, разозлился бы, застыдился, ощутил бы, как грудь переполняют слова, но, устыдившись, замерли бы они на губах, и всё разрешилось бы юношеским всплеском ярости.

Нынешний же Шэнь Фаши мог со спокойствием говорить о том человеке: «Ты ужасно похож на моего прежнего закадычного друга».

Едва эти слова слетели с его губ, тот пляшущий в нём демонический огонёк прекратил свои опасные игры. Цзи Саньмэй, закусив мундштук, умолк. Шэнь Фаши отчётливо ощутил лёгкое сжатие в паху — это Цзи Саньмэй нервно покусывал мундштук.

«Он был другом на всю жизнь». Шэнь Фаши заговорил неспешно, с безмятежным лицом. «Потом он умер. Восемь лет назад, в мой двадцать первый день рождения. Я выиграл битву, которую выиграть было невозможно. В той битве все считали, что я проиграю. Но, должно быть, оттого, что я так жаждал с ним встретиться, вдруг рухнула преграда в практике, что долго не поддавалась».

«...Одержав победу, я возликовал. Я знал, что молва гласит, будто я пал на поле брани. Я боялся, что друг мой забеспокоится, и потому, не щадя сил, полетел на мече напрямик в столицу. Когда силы иссякли, я пересек на коня и в итоге за один день добрался... Въезжая в город, я увидел на древнем баньяне истлевший остов».

Цзи Саньмэй аж дух перехватило, и он мгновенно вычленил суть сказанного.

...Неужели в прошлой жизни я скончался на дереве?

Он решил затянуться для успокоения.

Видя, что Цзи Саньмэй лишь удивлён, но не проявляет иных чувств, Шэнь Фаши ещё больше утвердился в мысли, что тот, возможно, забыл многое из прошлой жизни: «Потом... я пришёл в храм Цзюэми. Один друг вручил мне семя дерева, сказав, что возвращение растений облагораживает душу. Я посеял семя, и на следующий год вырос Чанъань. К изумлению моему, его облик... в точности повторял облик моего закадычного друга».

Цзи Саньмэй знал принцип формирования облика древесных духов.

...То, какую форму примет древесный дух, всецело зависит от помыслов того, кто его взрастил.

Он, кажется, предугадал, что скажет далее Шэнь Фаши, и не отрывал от него пристального взгляда.

Шэнь Фаши поднялся, пересёк кабинет и приблизился к Цзи Саньмэю: «...Ибо, закапывая семя, я думал лишь о нём».

Цзи Саньмэй долго смотрел на него, а потом вдруг рассмеялся, выпустив из губ изящный белый дымок: «Правда?»

Шэнь Фаши присел, взял Цзи Саньмэя за правое запястье и прижал его ладонь к своей груди: «Не веришь — проверь. Я и сейчас о нём думаю».

Цзи Саньмэя кольнуло внутри, но он не изменил своему ветреному нраву: «...Этого я на ощупь не определяю. Зато сердце у наставника колотится сильно».

Шэнь Фаши перехватил его пульс: «Взаимно».

На мгновение в кабинете воцарилась тишь, и сердца их забились в унисон. Цзи Саньмэй, не отрываясь, глядел в глаза Шэнь Фаши и не пытался высвободить руку.

Шэнь Фаши первым разжал пальцы, словно разговаривая сам с собой: «Увы, сей человек — не тот».

Этому Цзи Саньмэй верил: кроме лица, у Чанъаня с ним не было ничего общего.

Он очнулся и спросил с подтекстом: «Наставник, к чему вы мне это рассказываете?»

...Неужели он уже догадался, что я — Цзи Саньмэй?

Но нет, я вроде бы, несмотря на всю свою свободную натуру, не выдавал себя?

Авторская заметка:

Саньмэй: Брат Шэнь, Чанъань подарил мне цветок.

Фаши: ...

Саньмэй: Необычайно прекрасный.

Фаши вздохнул и достал с книжной полки стопку бумаг.

Фаши: Вот документы на три золотых рудника, вот на тридцать восемь объектов в центре Юньяна и пятнадцать поместий в девяти областях и тринадцати провинциях, а вот на три тысячи му чернозёма и тысячу триста му лиловой земли. ...Выбирай, какую хочешь, я сложу.

Цзи Саньмэй, нахмурясь, размышлял. В голове его роились ответы, наперебой рвались наружу, словно чудовища, запертые в ларце. Некоторые были тщедушными и слабыми, подпрыгнули пару раз и затихли. После того как волны отсеяли песок, лишь один не желал сдаваться, бился, подпрыгивал, вопил, готовый прорвать грудь и вынуть сердце Цзи Саньмэя, дабы вручить его целиком Шэнь Фаши.

И среди этой яростной борьбы и бешеного сердцебиения Цзи Саньмэй умудрился выкроить миг для затяжки.

Табак в чашечке с шипением сгорел дотла и пеплом скользнул в уста Цзи Саньмэя.

Шэнь Фаши, выдержав паузу, дал ответ: «...Твой отец, Цзи Лючэнь, с тем покойным другом тоже был весьма близок. Когда он прибудет и увидит Чанъаня, боюсь, не станет слушать моих объяснений. Тогда уж попрошу тебя кое-что разъяснить отцу».

Этот ответ был в числе первых, кто сложил оружие в битве чудовищ.

Причина его отвержения была проста: проверка пульса, что проделал Шэнь Фаши, была

слишком откровенной, куда откровеннее, чем его уста.

— Его взгляд, устремлённый на Цзи Саньмэя, пылал огнём, жаждал поджечь его, а затем, обняв, совершить акт мотылька, бросающегося на пламя, и погибнуть вместе.

Стоит ли так неистовствовать, узрев воскресшего друга, — вопрос спорный, но Цзи Саньмэй мог быть уверен на семьдесят процентов, что Шэнь Фаши уже раскусил его личность и потому специально объяснил ситуацию с Чанъанем; и по некоей неизвестной причине намерен пока что хранить молчание.

То, что оба они неожиданно достигли немого согласия в этом вопросе, заставило беспокойное сердце Цзи Саньмэя вновь забиться чаще.

<http://bllate.org/book/16281/1466128>